

ОНЕГИН, ОБЛОМОВ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ...

Театральный мир №2 2013

Русская классика на сцене: латышский акцент

Татьяна ОДЫНЯ

Трудно сегодня в Риге театральному режиссеру стать заметным. В стране, где работает со своим замечательным театром Алвис Херманис, планка очень уж высока! Зритель любит театр Херманиса, премьер — в том числе приглашенных в Новый рижский театр (НРТ) режиссеров — ждут, билеты распродаются на несколько месяцев вперед. Латвия — очень театральная страна, притом маленькая. При желании добраться до столичных театров можно не только из ближних пригородов, но и с дальних окраин. К Херманису добираются...

«Ночь лицедеев»: триумфы НРТ

В ноябре в Риге проходит ежегодная «Ночь лицедеев» — церемония вручения театральных наград за удачу прошлого сезона. НРТ на «Лицедеях–2012» собрал особенно богатый урожай титулов и наград, мало что оставив другим драматическим театрам страны. Многие обиделись: представители Даугавпилсского театра, например, вообще отказались присутствовать на торжествах, усадив на отведенные им в зале места бумажных манекенов (впрочем, о причинах обид на жюри, отбравшего номинантов на премию, — позже).

Львиная доля завоеванных командой НРТ лавров досталась одному спектаклю — «Обломову» по роману И. Гончарова в постановке А. Херманиса, премьерой которого театр открывал в Риге сезон 2011/2012 года. Алвис Херманис вновь стал «Режиссером года», НРТ взял «Лицедеев» и за лучший драматический спектакль года («Обломов»), отмечены были актеры, оба исполнителя роли Обломова: за лучшую мужскую роль — Гиртс Круминьш и призом зрительских симпатий — Гундарс Аболиньш (тоже за Обломова). Лучшая роль второго плана — также за НРТ и снова «обломовская» — победивший в номинации Вилис Даудзиньш блистал в роли слуги Захара.

Возможно, для самого известного в мире латышского режиссера национальная премия не самая «крутая» награда — на счету Херманиса и его команды ведь более тридцати престижных фестивальных побед, европейская «Новая театральная реальность» и две российские «Золотые маски»... Но быть признанным на родине — приятно. И полезно: победы «Ночи лицедеев» —

аргумент для финансирования из госбюджета (так что обиды на жюри, даже не посмотревшее премьер Даугавпилсского театра, понятны).

Режиссер Херманис сегодня востребован на многих европейских сценах. В Европе его имя — бренд, привлекающий публику. Любимчиком москвичей он стал несколько лет назад, после «Рассказов Шукшина», поставленных на сцене Театра Наций (с Евгением Мироновым и Чулпан Хаматовой), до того его имя знала, в основном, фестивальная публика. В марте 2013 г. в Амстердаме пройдет фестиваль херманисовских спектаклей длиной в месяц (Brandsticher 2013: Alvis Hermanis). Привезут постановки репертуарных театров Берлина, Мюнхена, Вены — в том числе и по русской классике.

Наш, рижский, «Обломов» тоже отчасти «иностранец» — премьеру эту Херманис сначала сделал в Кельне, и только потом представил ее на родной сцене НРТ.

Рижский «Обломов». Версия 2.0

«Обломов» в Кельне, поставленный для немецкой публики, отличается от его латвийской версии. Ведь театральные традиции и восприятие в Риге, Москве и Берлине разные, так что и спектакль оказался иным. Это Алвис Херманис подчеркивает во всех своих интервью. Верю!.. И более того: посмотрев рижскую постановку дважды — с Обломовым-Крум��ншьем и Обломовым-Аболиньшем, — осмелюсь утверждать, что это тоже два разных театральных действия. И отличаются они не только акцентами в образе русского барина Ильи Ильича у каждого из исполнителей... Партнеры по сцене у Обломовых — те же, сюжет — один, а рассказанные истории получаются разными.

Обломовы отличаются даже внешне — один тонкий, а другой — толстый. Каждый проживает — в предложенных обстоятельствах! — свою жизнь. Книжку И. Гончарова читать — и пяти вечеров будет мало. Спектакль тоже длится целых четыре часа. В смолкающих шорохах зала слышно, как утекает время: так громко звучит тиканье часов, что почти видно, как минута за минутой падают в тишину зала и в темноту сцены, освещенную лишь огоньком лампы...

«Обломов» смотрится на едином дыхании! Поставлен спектакль без набившего оскомину минимализма, он старомоден в своей театральности — есть все: интересные решения в сценографии, костюмах, тщательность грима («Браво!» художнику постановки Кристине Юрьане). И актерский ансамбль замечателен — каждый играет не свое звездное «соло», а на партнеров. А каким чудом перевоплощения оказывается игра Вилиса Даудзиньша, которого в роли Захара

не сразу узнаешь! (Не от традиций ли это, заложенных еще Михаилом Чеховым на ниве латышского театра?!)

...Гиртс Круминьш внешне совсем не Обломов. Он нервный, депрессивный, какой-то вздрюченный. Барского в нем мало, «обломовщиной» — той, что у русских в пословицу вошла, — и не пахнет! (Это первое впечатление, потом оно проходит.) Глядя на его героя, скорее уж вспомнишь того латвийского премьера, что однажды в Новый год призвал нытиков-сограждан встать, наконец, с дивана и — действовать, действовать!.. Ну, хоть зубы почистить, штаны погладить, английский учить... Но как же преобразуется потом этот Обломов-Круминьш, влюбляясь в Ольгу. И как потрясающе страшно сыгран актером распад человеческой личности — когда любовь из него ушла, и жить оказалось незачем.

Обломов Гундарса Аболиньша — иной. Он философ, сибарит. И слишком является барином, чтобы реагировать на житейские мелочи вроде просроченных счетов. Барство его и в нищете преисполнено надменности. (Уйти от мира, укрывшись одеялом с головой!.. Так современный нам Обломов мог бы уходить в виртуальную реальность, валяясь на диване с планшетом...) Илья Ильич его не жалок, а величав. Как вкусно он завтракает, с какой изнеженностью живет, как красочно мечтает... Задетый же за живое — как в споре с другом и вечным антиподом Штольцем (актер Гатис Гага) — как упруго и страстно дает ему отпор в словесной перепалке. Чем, мол, лучше моей твоя жизнь?.. Ведь деловой и хваткий друг Андрей живет-то в заботах, суете и спешке, не замечая главного, ради чего и стоит жить...

Прав тут, разумеется, Штольц. В наши дни его смело можно представить преуспевающим человеком, каким-нибудь эффективным менеджером. А лежебока и лентяй Обломов — неудачник, так чего же ему задираться? Но почему-то его, а не Штольца любит Ольга, ему предан сверх всякой меры старый слуга Захар. На финише этой драмы мы видим задумчивого Штольца... лежащим на опустевшем обломовском диване. Неужели завидует?..

Постановка Херманиса многопланова, не дает универсальных ответов, но заставляет задуматься. Каждый выносит из спектакля столько, сколько способен и хочет понять и берет на себя труд почувствовать.

Гротеск и нежность

Не скрою, на первой встрече с «Обломовы» в НРТ (с Обломовым — Гиртсом Круминьшем) у меня было ощущение карикатуры на всю нашу русскую

помещичью жизнь, и карикатуры достаточно злобной. Все эти приживалы в обломовском доме и гости, что зашли на несколько минут, сыграны гротескно, талантливо, жестко. Гротеск персонажей для актеров хорош: есть что играть! Задуманность интонации, нежность к своим героям тоже в «Обломове» очевидна. В этой нежности раздражение растворяется без осадка. Перелом внутри спектакля происходит с появлением Ольги (роль ее исполнила Лиена Шмуксте, работающая в НРТ и как режиссер), смешливой, жизнерадостной, готовой любить...

В «Обломове» на сцену выходят сплошь звезды НРТ — смешны, милы, нелепы и великолепны Терентьев (Каспар Знотиньш), доктор (Иварс Крастс), Алексеев (Евгений Исаев). Последнего хочется отметить особо — с Женей, с его приходом в театр ведь связана целая история, житейская, но похожая на современную сказку! Когда Алвис Херманис взял под свое крыло прибывших к театру детдомовских пацанов, по-человечески это было понятно. Женя — один из тех ребят — стал у него рабочим сцены, а потом вошел в постоянный состав труппы. Увидел же режиссер в мальчишке талант драматического актера! Сегодня смотреть «совсем никакого» Алексеева в его исполнении — наслаждение. Сильный драматический актер вырос из Жени Исаева. Впрочем, слабаков в труппе НРТ не держат.

Актеры в труппе НРТ — больше, чем просто актеры. Они соавторы спектакля — не потому, что воплощают режиссерский замысел Херманиса. Больше! Они сами исследуют жизнь в разных ее проявлениях, привнося свой опыт и свои наивные вопросы — в том числе и в прочтение классики. И когда удается зацепить живой нерв характера или явления — происходящее захватывает зрителя, становится и байкой «про нас». Так было, когда Херманис исследовал поток современной жизни и особенности характеров, создавая свои «Латышские рассказы». Так происходит сейчас в работе над русской классикой.

Страсти по «Онегину»: русофилы или русофобы?..

Пора сказать пару слов еще об одной нашумевшей постановке НРТ. Спектакль «Онегин. Комментарии», созданный по мотивам знаменитого пушкинского романа в стихах и позднейших комментариев к «Евгению Онегину», а также к жизни и творчеству А.С. Пушкина, сделанных Ю. Лотманом, А. Ахматовой, Д. Хармсом...

Это спектакль не только умный и феерически яркий, но еще и скандальный. Подзаголовок в афише: «Интеллектуальная игра»... Реакция русскоязычной рижской прессы: глумятся над Пушкиным, который «наше все»! Далее — под

видом рецензий одного–двух авторов — поток брани в адрес театра и режиссера такой, что и в театр-то идти страшно...

«Онегин. Комментарии» — спектакль непростой, есть о чем спорить. И это отнюдь не иллюстрация к «Евгению Онегину» вроде школьной костюмированной инсценировки. Это сквозной сюжет — о пушкинских временах и нравах, со множеством пушкинских цитат, звучащих и по-русски, и по-латышски (как хрестоматийно известных, так и не включавшихся в хрестоматии из-за своего содержания), со сценами из романа в стихах, сыгранными как этюды, с дон-жуанским списком Пушкина и многим други... Но главное — это попытка разобраться в «энциклопедии русской жизни», отнюдь не подменяющая текстов, а отсылающая к ним.

По-моему, это хороший спектакль — талантливый, умный, с гениальной сценографией Андриса Фрейбергса, в которой подобно кусочки мозаики сошлись воедино интерьеры, костюмы и видеоинсталляции, на них — над пространством сцены — сменяют друг друга репродукции русской классики.

Между прочим, авторами сценического текста значатся в театральной программке все участники представления — опыт прочтения пушкинских текстов проделан сообща. Глубокое погружение в эпоху — с постановкой наивных вопросов — требует храбрости. В том, что театр на это решился, и состоит преступление Алвиса Херманиса, поставившего спектакль. Некий театрал со стажем, претендующий на то, чтобы быть властителем дум той публики, что сама книг и не читает и в театры не ходит, заклеил спектакль русофобским, оскорбительным для русских и России, а Херманис обвинил в глумлении над великим поэтом. Мол, сам видел: Херманис изобразил нашего Пушкина... мерзкой обезьяной (какие уж тут «интеллектуальные игры»!).

Далее о постановке Херманиса высказался известный юморист Михаил Задорнов: мол, этот Херманис вообще-то наймит российских недругов в Европе, затем и берется за русскую классику, чтобы над русскими поглумиться! Мол, Херманис и рассказы Василия Шукшина в Москве для того только взялся ставить, чтоб поглумиться над русской деревней, да в тот раз не вышло — актеры не дали, а вот теперь на Пушкине он и отыгрался. Не спешите смеяться: это не юмореска, Задорнов был вполне серьезен («Обломов», кстати, ему тоже не по душе).

Дальше — больше. С официальным протестом выступило местное рижское Пушкинское общество: милые люди, считающие, что любить А.С. Пушкина (а уж тем более толковать!) можно только по-русски, так, как любят они, с пафосом,

нараспев и в очень восторженных выражениях. Страсти по «Онегину» в постановке НРТ накалялись как раз в канун вселатвийского референдума о русском языке как втором государственном. Алвис Херманис, не склонный давать комментарии на злобу дня, тут возьми, да и выскажись: мол, что референдум? мы хотя бы узнаем по его итогам, сколько у нас предателей родины! (После этого мне даже в дружественном рижском доме — русском, классически интеллигентском — сказали прошлой зимой: «Ведь какая ж этот Херманис сволочь, не ходи ты, Бога ради, к ним в театр!»)

Зачем я так много пишу о вещах, далеких от сцены? Так ведь это тот самый контекст местной жизни, в котором живут у себя дома постановки НРТ! Правда, этот контекст отчасти работает и как приманка: русская речь среди зрителей НРТ в антрактах слышна все чаще. Впрочем, думаю, дело в другом: просто интерес к театру в Риге формируется уже отнюдь не по языковому признаку.

Русской классики в репертуаре НРТ много — от Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М. Горького до современных Т. Толстой и В. Сорокина (список не полный). Но вопрос о том, что такое театр и зачем он побуждает нас перечитывать классику, возникнет еще не раз. В декабре премьеру «Дачников» по произведению М. Горького уже показали в Берлине (с театром «Schaubuehne am Lehniner Platz» сотрудничала команда латышей — режиссер Алвис Херманис, сценография Кристине Юрьяне, композитор Петерис Вакс). А там, глядишь, доберется этот спектакль и до Риги.